

первоначальное знакомство съ золотомъ въ извѣстныхъ предѣлахъ индоевропейскаго племени, такъ какъ данное слово является у индійцевъ, славянъ, балтійцевъ и германцевъ. Что касается литовскаго *auksas*, прусскаго *ausis*, то предположеніе автора о заимствованіи этого термина у римлянъ (при Неронѣ былъ отправленъ посольство для закупки янтаря; въ его свитѣ были, надо думать, лица, говорившія народными діалектами оско-сабельской группы, гдѣ въ то время данное слово не имѣло *r*), дѣйствительно, можетъ быть, имѣеть за себя шансы, но оно ничего не рѣшало бы само по себѣ въ вопросѣ о старомъ знакомствѣ балтійцевъ съ золотомъ, такъ какъ литовцы и пруссы могли свое слово замѣнить заимствованнымъ (ср. нѣм. *Pferd*, о которомъ говорилось выше).

Разставаясь съ книгой проф. Шрадера, я долженъ въ заключение настоящей статьи выразить пожеланіе, чтобы онъ въ возможно непродолжительномъ времени выпустилъ въ свѣтъ третій (и послѣдній) выпускъ, съ содержаніемъ котораго я не замедлю познакомить читателей.

В. Норжешинскій.

SLOVANSKÉ STAROŽITNOSTI. SEPSAL D-r Lubor Niederle, professor České university v Praze. Dílu II svazek 1. V Praze, 1906.

Мы не разъ уже говорили о капитальномъ трудѣ профессора Индерле на страницахъ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Теперь передъ нами II-ой томъ, посвященный событіямъ доисторической жизни южныхъ славянъ. Первая часть его, только что вышедшая въ свѣтъ, прежде всего, въ видѣ введенія, даетъ географическій и этнографическій обзоръ придунайской территоріи и Балканскаго полуострова. Затѣмъ въ ней разсматриваются мнѣнія ученыхъ о времени появленія славянъ на Дунаѣ и дается самостоятельное рѣшеніе этого вопроса; наконецъ, въ послѣдней, 5-й главѣ, приводятся данныя по вопросу о времени прибытія на Балканскій полуостровъ и прародитѣль сербохорватовъ.

Намъ не подѣ силу судить о тѣхъ главахъ этого тома, гдѣ рѣчь идетъ о древностяхъ Балканскаго полуострова. Мы можемъ только одобрить ту осторожность автора, съ которою онъ относится къ мнѣніямъ о народности даковъ и близости ихъ къ славянамъ.

Въ виду этого мы остановимся прямо на 3-й главѣ, посвященной вопросу о времени появленія славянъ на Дунаѣ.

Авторъ полагаетъ, 1) что славяне пришли къ Дунаю изъ Закар-

патья и 2) что они появились на Дунаѣ и Савѣ уже въ первыхъ вѣкахъ по Р. Хр. среди древнѣйшихъ послелій еракійскихъ и иллирійскихъ племенъ.

Выраженіе: изъ Закарпатья, употребляемое имъ не разъ (стр. 99, 120), не должно быть понимаемо буквально. Авторъ представляетъ себѣ движеніе славянъ къ среднему Дунаю по преимуществу движеніемъ съ сѣвера на югъ, отъ Одера и Вислы, связаннымъ съ однороднымъ движеніемъ германскихъ лугіевъ, обіевъ, лангобардовъ (стр. 119). Въ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться.

Въ своей замѣткѣ о второй части I-го тома „Славянскихъ древностей“ мы уже имѣли случай заявить, что „необходимо видѣть славянъ I столѣтія по Р. Хр.—на Балтійскомъ побережьи между устьями Вислы и Одера и южнѣе“. Теперь мы можемъ привести одинъ фактъ, говорящій о древности знакомства славянъ со словенскими Татрами. Это—названіе горной рѣчки, притока Дунайца, *Попрадъ*¹⁾. Его вторая часть вполне совпадаетъ со второю частью названія рѣчки (притока Сулы?), извѣстнаго намъ изъ Ипатскаго списка лѣтописи подъ 1170 и 1187 годами, — *Снопородъ* или *Снепородъ* (= *-породъ*). Очевидно, славяне познакомились съ словенскими Татрами и вообще сѣвернымъ Закарпатіемъ еще въ то давнее время, когда въ немъ жило населеніе одного племени съ населеніемъ средняго Поддѣлровья, т. е. скиво-сарматское. Сравни также названіе рѣкъ 1) *Торець* и *Торниця*, притоковъ Тисы (въ Угорской Руси) и *Торъ*, притока Дона, и 2) *Ваъ*, притока Дуная въ словенскихъ предѣлахъ, и *Вага*, притока Десны, въ Черниговской губерніи.

По мнѣнію Нидерле, земледѣльческое населеніе въ Угорской степи, встрѣченное Прискомъ и его товарищами по посольству къ Атилѣ въ 448 году, было славянское.

И въ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться. Слова *медъ* и *хмѣль*, названія напитковъ, конечно,—не какія-нибудь готскія или гуннскія, а славянскія *медъ* и *комъ* (срв. современное сербское названіе мѣстнаго ликера *комовица*), съ обычнымъ для греческой передачи *а* на мѣстѣ славянскаго *о*.

Но авторъ полагаетъ, что славяне въ этой степи сидѣли уже давно, что ихъ имѣли въ виду древніе источники, говоря о „несвободныхъ сарматахъ“. Здѣсь согласиться съ нимъ трудно. При движе-

¹⁾ Вытекаетъ изъ словенскихъ Татръ и течетъ въ горахъ въ угорско-русскихъ предѣлахъ. Дунаецъ—притокъ Вислы.

ниъ кочевыхъ ордъ по Угорской степи, въ ней не могло сохраниться осѣдлаго населенія. Припомнимъ отсутствіе осѣдлаго населенія въ приднѣпровской степи при половцахъ и въ средне-русской степи въ XIII—XV вѣкахъ при татарахъ. Мы должны представлять себѣ Угорскую степь при появленіи въ ней гунновъ лишившеюся осѣдлаго населенія, если, конечно, таковое въ ней раньше было. Поэтому славяне, оказавшіеся въ ней при Атилѣ, должны считаться новыми поселенцами въ этой степи, явившимися или добровольно, въ виду установившагося въ ней спокойствія, или—скорѣе—невольнo, ради нуждъ гуннскихъ ордъ. Прискъ говоритъ, что эти люди снабжали его и нo-солство просомъ (*κίτρος*), потому, конечно, что другого хлѣба у нихъ не было, а этотъ злакъ сѣется на нови—или на мѣстѣ изъ подъ лѣса, или на впервые распаханной степи,—гдѣ даетъ баснослo-ные урожаи ¹⁾).

Авторъ не довольствуется предположеніемъ, что славяне въ Угорской степи въ первой половинѣ V вѣка были уже старожилами; онъ идетъ далѣе. По его представленію, уже въ I—IV вѣкахъ по Р. Хр. славяне сидѣли по Дунаю и по Савѣ отдѣльными островками среди бракійцевъ, иллирійцевъ, даковъ, кельтовъ и т. д. (стр. 147). Доказательство—тѣ мѣстныя названія, которыя уже давно играютъ роль въ славянскихъ древностяхъ и которыя авторъ, вслѣдъ за другими, считаетъ славянскими. Это—названія: озера *Peiso* у Плинія, *Pelso* у Аврелія Виктора; рѣки **Ἰούβλη* у Диона Кассія, *Ulca* у Эннодія и др.; поселенія *Tsierna*, *Dierna* въ надписяхъ II вѣка, *Διέρνα* у Птолемея, *Ζιέρνη* у Прокопія; рѣки *Berzobis* у Присциана, *Bersovia* на Певтингеровой картѣ, и др. Если бы мы сколько-нибудь знали языкъ главныхъ народовъ, обитавшихъ въ этомъ краѣ, особенно даковъ, конечно, мы могли бы быть смѣлыми въ лингвистическихъ объясненіяхъ, но въ данномъ случаѣ мы ходимъ въ потьмахъ. Легко сказать, что *Tsierna* надо читать *Черна*, что здѣсь черезъ латинское *ts* передано славянское *ч*; но въѣдъ написанія *Dierna* и *Ζιέρνη* своими *di* и *ζ* говорить о мягкомъ дифтонгѣ *dz* или *ож*. Не лишено значенія находженія у Diosкорида дакскихъ названій растеній съ тѣмъ же *di*: *διόσερα verbascum*, *πρόβορα helleborus niger*; очевидно, скрывающійся подъ нимъ согласный былъ обычнымъ звукомъ дакского языка ²⁾).

¹⁾ Не мѣшаетъ припомнить, что татары, погромивъ Волынь, оставили цѣлыми болоховцевъ, „да имъ ороуъ ишеницу и просо“ (Ипатскій оп. лѣт.).

²⁾ Слав. *жуманъ* начальникъ, слово—суда по даннымъ г. Нидерме—дакского

Къ этому главному доказательству авторъ осторожно присоединяетъ и нѣкоторыя другія, между прочимъ изображеніе одной группы варваровъ на Трояновой колоннѣ; это, по его мнѣнію,—банатскіе славяне (стр. 171). Но варвары, конники,—одѣты въ длинные халаты, обычную одежду кочевниковъ, привывшихъ проводить жизнь верхомъ на лошади. Мы не имѣемъ основаній видѣть въ нихъ славянъ, осѣдлыхъ земледѣльцевъ.

Вообще крайне трудно допустить предположеніе объ отдѣльныхъ славянскихъ островахъ славянъ на Дунаѣ и Савѣ среди другихъ народовъ во II или даже въ I столѣтіи по Р. Хр. (стр. 160). Легко сказать, что они двигались понемногу и постепенно, родами и племенами; но мы знаемъ, какъ быстро въ такихъ случаяхъ теряется народность даже теперь. Мы видимъ современныхъ намъ русскихъ, хозяевъ въ русскомъ государствѣ,—то корелящихся, то киргизящихся, то якутящихся; какъ же предполагать въ славянахъ II или I вѣка какую-нибудь этническую устойчивость? Мы вполне готовы допустить, что уже въ I столѣтіи отдѣльныя колоніи славянъ являлись въ области еракійцевъ и пр. и подчинялись этимъ народамъ; но должны признать, что эти колоніи, въ разное время пришедшія и разбросавшіяся на большомъ пространствѣ среди инородцевъ, не могли оставаться славянскими болѣе чѣмъ въ теченіе трехъ-четырехъ поколѣній; потомъ они ассимилировались съ главнымъ населеніемъ страны.

Г. Нидерло касается легенды нашей Начальной лѣтописи о природнѣ славянъ на Дунаѣ и о насиліяхъ надъ ними (=власти) *влаховъ* и находитъ въ ней „зорию правды“ (стр. 141). II въ этомъ съ нимъ нельзя не согласиться. Только необходимо имѣть въ виду, что поясненіе лѣтописца: „гдѣ нынѣ Угорская и Болгарская земля“, есть его собственный домысль, и не принадлежитъ народному преданію; а преданіе о влахахъ должно относиться къ тому смѣшанному населенію, которое находилось въ Дакіи въ римскую эпоху и въ которомъ романскій и дакскій элементы играли главную роль; они могли брать дань на сидѣвшихъ къ сѣверу отъ нихъ славянахъ.

происхожденія, имѣетъ звукъ ж. Кто дакскій прототипъ въ латинской и греческой передачѣ (въ надписяхъ) имѣетъ видъ *diurraeus*, *diurraeus* (съ ошибкой), *Coatav* (стр. 166). Повидимому, это дакское слово—сложное; вторая его часть также, кажется, заимствована у даковъ славянами: *намъ* (=господиѣ?). Нахожденіе данныхъ словъ въ наиболѣе западныхъ славянскихъ (по преимуществу) нарѣчіяхъ указываетъ на политическое подчиненіе этихъ предковъ западныхъ славянъ дакамъ.

Глава 4-я озаглавлена: движеніе славянъ на Балканскій полуостровъ. Здѣсь мы вполне согласны съ авторомъ въ главномъ, но крайне сомнѣваемся относительно кое-какихъ частности. Это—славянство костобоконъ и раннее появленіе славянъ за Дунаемъ, славянство имени византійскаго полководца Хилвуда, или Хиливуда, и т. п. Авторъ, приводя изъ надписи указаніе, что Хиливудъ былъ „οὐδὲ Σαυβάτιου“, при послѣднемъ имени прибавляетъ: „Слбать“? Но кажется, такого славянскаго имени нѣтъ. А Σαυβάτιος—вульгарная греческая форма обычнаго христіанскаго Σαββάτιος.

Послѣднюю главу, о прародинѣ сербо-хорватонъ, потребовавшую отъ автора громадной эрудиціи и вообще дорого ему стоившую, мы считаемъ сплошнымъ недоразумѣніемъ. Прежде чѣмъ говорить объ великой Хорватіи въ сѣверномъ Прикарпатѣ и раздѣленіи хорватскаго племени на вѣтви, по нашему мнѣнію, необходимо рѣшить вопросъ о первоначальномъ значеніи слова *хрватъ*. Если это слово въ своемъ основномъ значеніи—обыкновенное нарицательное имя, въ родѣ *сербъ* или *полянитъ*, мы должны возвратиться къ мнѣнію Рачкаго, и всѣ наши старанія связать разныхъ хорватонъ въ одну племенную единицу излишни. Если же это слово—именно названіе племени, тогда дѣло другое. По нашему мнѣнію, основное значеніе слова *хрватъ*—что-нибудь въ родѣ молодець (хотя происхожденіе слова для насъ пока совершенно неясно). Мы уже указывали автору, что у кашебовъ-словинцевъ всякій мужчина (или мужикъ) именуется *karvatk* (*Teizner*, *Die Slowinzen*, стр. 2).

Также простымъ нарицательнымъ именемъ было первоначально, по нашему мнѣнію, слово *лахъ* (отъ лада): обитатель поросшей мелкимъ лѣсомъ или кустарникомъ страны. Въ виду этого наша лѣтописная легенда о вятичахъ и радимичахъ, какъ отпрыскахъ ляхонъ, намъ представляется основанной на тождествѣ 1) древняго, такъ сказать, доисторическаго, почти забытаго названія этихъ русскихъ и 2) обычнаго во времена лѣтописца названія западно-славянскихъ сосѣдей. Необходимо принять во вниманіе, что теперь имѣются еще *laši* чехо-мораване, а нѣкогда ляхи были повидному и среди другихъ славянскихъ племенъ.

А. Соболевскій.